

Г. М. Резник¹

КОРРУПЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ЭВОЛЮЦИЯ

Каждый, кто захочет составить объективное представление о коррупции и отношении к ней, столкнется с разного рода текстами: международных и отечественных деклараций и законодательных актов, исторических исследований и документов, научной, публицистической и художественной литературы. Первое, что обнаружится, — отсутствие единства в определении коррупции: и как социального явления, и как юридического понятия.

Для обсуждения вопроса, поставленного в данном докладе, достаточно оттолкнуться от узкого понимания коррупции как продажности, подкупности представителей государственной власти, правительственных чиновников и должностных лиц. Подкуп, продажность (от *лат. согрүrtiо*) — использование властных полномочий ради личного обогащения. Этот термин изначально имел также и иные, резкие негативно-оценочные значения: порча, растление, разложение. Это неудивительно: задолго до Античности, с древнейших времен Вавилона и Месопотамии, официальная мораль и право уже однозначно признавали коррупцию опасностью, угрожающей основам государства, и она преследовалась в уголовном порядке. Аристотель считал, что коррупция способна изменить политический строй государства, превратить монархию в тиранию. Однако гневные моральные обличения и суровые уголовные репрессии оставались бессильны. Коррупция процветала как в Древнем мире, так и в Средние века, глубоко укоренившись в государственном управлении и житейском быте.

Новыми гранями заиграла коррупция с зарождением капитализма. Буржуазия расчищала себе путь через коррумпирование находящихся у власти аристократов. То, что интенсивный подкуп голосов высокопоставленных сановников и политиков не только не препятствовал, но и содействовал ускоренному экономическому росту, должно было навести на «греховную» мысль о позитивной роли коррупции для социального развития. Но высказана эта мысль в науке была значительно позже, в начале XX века, Максом Вебером. В рамках выдвинутой им концепции понимающей социологии Вебер пришел к выводу, что коррупция может быть функциональной и приемлемой, если содейству-

ет ускорению происходящих в обществе политических и экономических изменений.

В полной мере этому допущению, как и другим идеям, возникшим на Западе, предстояло пройти проверку на территории нашей страны.

Коммунистическая доктрина, объявившая самым страшным злом на земле частную собственность, породила в СССР экономику хронического дефицита. С другой стороны, отсутствие в розничной торговой сети многих товаров, необходимых людям, сочеталось с образованием на складах государственных предприятий больших запасов сырья. На последнем Пленуме ЦК КПСС (июль 1991 г.) была оглашена цифра: нормированные запасы сырья и продукции, не находящей сбыта, оцениваются в 640 млрд рублей. Для сравнения: на культуру, образование и науку, вместе взятые, из бюджета выделялось гораздо меньше.

Известно, что если массовая потребность не удовлетворяется законным путем, это происходит в обход закона. Добро, лежавшее мертвым грузом на складах, стало использоваться предприимчивыми людьми для производства товаров народного потребления. Модная одежда, обувь, аксессуары, запчасти к автомобилям — все это начали изготавливать в подпольных цехах государственных предприятий. Частнопредпринимательская деятельность сама по себе признавалась в СССР преступной, но «цеховик» неизбежно плодил вокруг себя и другие запрещенные советским уголовным законом деяния: коммерческое посредничество, спекуляцию, скупку имущества, добытого заведомо преступным путем, незаконное пользование товарными знаками. И, конечно, взяточничество. Цех с левым оборотом от начальства не скроешь, широкий сбыт от полиции и прокуратуры не утаишь. Занятие запрещенным бизнесом было неизбежно сопряжено с дачей взяток руководству заводов и фабрик, контролерам из проверяющих органов, оперативным работникам, прокурорам, функционерам городской, а то и партийной власти.

Вовлекались в подпольное производство и рядовые труженики. Они не роптали, не возмущались — напротив, с большой охотой за повышенную плату работали не на государство, а на нелегального предпринимателя. Вера в преимущества социализма подтачивалась подпольными бизнесменами вместе с коммерческими посредниками-спекулянтами и у широких масс потребителей. Согласно опросу, проведенному в середине 1970-х годов Всесоюзным институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 30 % граждан одобрительно отзывались о деятельности спекулянтов и осудили тех, кто доносил на них правоохранительным органам.

Идеологические догмы затрещали под напором частного интереса. Коррупция в данном случае послужила здравому смыслу в экономическом поведении, содействуя, по удачному выражению Л. М. Тимофеева, «уничтожению неразумного, неудобного людям по-

¹ Вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ. Президент Адвокатской палаты г. Москвы (2002 — февраль 2015 г.). Автор более 300 публикаций по проблемам теории права, уголовного права и процесса, криминологии, в т. ч. монографий: «Внутреннее убеждение при оценке доказательств», «Когда наступает ответственность», «Конституционное право на защиту», «Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ», «Личность преступника: правовое и криминологическое содержание», «К вопросу об определении понятия преступности», «Адвокат: престиж профессии», «Противоречия урбанизации и преступность» и др. Вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов. Член Совета по вопросам совершенствования правосудия при Президенте РФ. Награжден Золотой медалью им. Ф. Н. Плевако; почетными знаками «Общественное признание» и «Символ Свободы»; высшей юридической премией «Фемида», Национальной премией в области адвокатуры «За честь и достоинство». Почетный доктор СПбГУП.

рядка и возникновению нового, рационального и продуктивного».

С начавшейся во второй половине 1980-х годов перестройкой и последующим запуском рыночных реформ частный бизнес вышел из подполья. Но взятка, ставшая необходимым условием существования теневой экономики, не исчезла. Более того, коррупция получила новый импульс.

К моменту ликвидации СССР казна была пуста, цены на нефть упали до минимального значения, а не имевшее альтернативы освобождение цен обесценило банковские вклады населения. Подавляющее большинство граждан России, включая армию службистов низшего и среднего звена, оказались у черты бедности. Между тем в период первоначального накопления капитала нужда в чиновниках с их полномочиями регистрировать, согласовывать, разрешать, контролировать резко возрастает. Посему мздоимство на этапе приватизации приобрело преимущественно характер платы чиновникам за оперативное и добросовестное выполнение их служебных обязанностей.

Значительно драматичнее выглядели коррупционные отношения бизнеса с правоохранительными органами. Неожиданное и быстрое обрушение режима коммуно-советской власти привело к атаке на бизнес профессиональной преступности. Теневая экономика не могла существовать без «теневой юстиции». Капиталы «цеховиков», торгашей и спекулянтов нуждались в охране от шантажа, вымогательства и ограблений. Защищаться от одних уголовников можно было только с помощью других. Криминальные авторитеты выполняли также функции третейских судей при улаживании конфликтов, вызванных нарушением «деловой морали».

После августа 1991 года профессиональная преступность, которую подпустил к себе теневой бизнес в советские времена, заявила о своих притязаниях на участие в разделе замаячивших высоких прибылей. Возглавлявшие вооруженные банды уголовники выдвигали новоявленным владельцам предприятий и банков требования уйти под их криминальное покровительство либо даже впустить в свой капитал партнерами.

Далеко не всем коммерсантам такие предложения пришлось по душе. Многие собирались легально вести бизнес в условиях рыночной экономики. Противостоять криминалу могли только правоохранительные органы. Но оперативникам и следователям вовсе не хотелось рисковать и подставляться под бандитские пули в интересах «новых русских» за грошовую зарплату, едва позволявшую сводить концы с концами. И тогда борьба с рэкетом стала дополнительно вознаграждаться.

В 1990-е годы целые милицейские команды находились на содержании предпринимателей. Нелегальное сотрудничество принесло свои плоды: за 5–6 лет удалось практически полностью избавиться от криминального силового давления на легальный бизнес. Но облегчения для предпринимательского класса не наступило. Напротив, 2000-е годы стали временем расцвета отечественной коррупции, вставания в бизнес

среднего и высшего слоев чиновничества, прежде всего правоохранительных органов.

Коррупционная составляющая при госзаказах, госуслугах, выделении земли в частную собственность превратилась в регулярно уплачиваемую ренту. Бандитскую «крышу» сменила «ментовская» (родовое понятие в отношении всех правоохранителей: полицейских, фээсбэшников, следователей, прокуроров).

Парадокс: увеличению масштабов коррупции сопутствовали рост материального благосостояния широких слоев населения, сокращение уровня бедности. При резко возросших ценах на нефть хватало на все.

Борьбы с деловой коррупцией в стране не велось. Постоянные призывы к ее преодолению носили ритуальный характер. Уголовная статистика была представлена главным образом бытовой коррупцией — среди осужденных за взяточничество преобладали врачи, педагоги, работники детских садов; «в нагрузку» к ним дозированно добавлялись сотрудники тотально коррумпированной ГИБДД — чтобы не было совсем уж курьезного расхождения между всем известной действительностью и ее отражением в государственной отчетности. Средний размер взятки в 2012 году, например, не достигал до 8 тыс. рублей, тогда как, согласно исследованиям латентной преступности в сфере бизнеса, он превышал 100 тыс. долларов США. Но высокопоставленные чиновники и правоохранители на сканью подсудимых, за редчайшим исключением, не попадали.

В 2000-е годы коррупция стала спутницей изменившихся политических и экономических приоритетов. Централизация власти, прекращение «парада суверенитетов», усмирение мятежной Чечни — решение этих задач объективно требовало укрепления государственного аппарата с опорой на силовые структуры.

Как известно, чтобы быть устойчивой, власть должна опираться на сплоченные и богатые группы. Силовики, пришедшие в органы государственного управления, могут изжить бедность только через коррупцию. Впрочем, получаемую от бизнеса ренту они вовсе таковой не считают. Психология нынешних функционеров сродни умонастроению чиновников Российской империи, «кормящихся от дел», — осознание себя «солью земли», опорой режима и, следовательно, мзды — как получаемой по праву.

Если главной целью государственной политики становится сохранение стабильности режима, то она неизбежно оплачивается ростом коррупции, обеспечивающей лояльность как различных групп элиты, так и всего раздутого бюрократического аппарата. За период с 2000 по 2012 год численность последнего возросла на 65 %, при этом постоянно усиливался приток выходцев из силовых структур в верхние слои чиновничества. Сейчас практически в каждом регионе если не губернатор, то как минимум вице-губернатор или глава ключевого департамента — бывший чекист.

Параллельно государство наращивало присутствие в экономике. Из доклада Федеральной антимонопольной службы (ФАС) следует, что за десять лет государство вдвое увеличило свое присутствие

в экономике — с 35 % в 2005 году до 70 % в 2015-м. Только за последние три года количество государственных и муниципальных унитарных предприятий утроилось. А с увеличением доли государства в экономике сумма коррупционной ренты возрастает. Закономерно, что почти половина компаний, опрошенных Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП), ответила: «Власть относится к бизнесу как к кошельку» (48 против 42 % в 2014 г.). Социологические опросы показывают, что на протяжении последних 10 лет примерно половина населения признает, что коррупция пронизывает все общество насквозь.

Тем не менее примечательно, что коррумпированность вовсе не обязательно определяет негативное отношение россиян к сановникам. Например, согласно опросам 2009–2010 годов, половина москвичей верила слухам о коррумпированности Юрия Лужкова, но при этом 60 % оценивали его работу положительно и считали, что он должен остаться на посту мэра. Громкие коррупционные скандалы никак не отражаются на высоком рейтинге Владимира Путина, хотя, например, 38 % сочли, что арест министра Алексея Улюкаева бросает тень на президента.

Отсутствие активного возмущения коррупцией нередко объясняется традиционным терпением населения. История страны действительно говорит о том, что ресурсы терпения в нашем обществе огромны. Но все же не безграничны. Власти нужно поддерживать более или менее пристойный уровень жизни различных социальных слоев. Если лихорадит экономику, обостряются проблемы жилья, здравоохранения, пенсионного обеспечения, то именно коррупция легче всего будет воспринята массами как причина всех несчастий. Недавние события на Украине и в Румынии это ярко продемонстрировали.

Похоже, что в условиях затягивающегося экономического кризиса и все более громких обличений несистемной оппозицией правящей бюрократии в коррупции верховная власть начинает с такой опасностью считаться. Подвижки произошли в единственно доступной для администрирования области — уголовной репрессии — при нежелании что-либо менять во внутренней политике и проводить структурные реформы в экономике. Важное изменение внесено в Уголовный кодекс: там появилась статья «мелкое взяточничество». Таковым с июня 2016 года считается взятка в 10 тыс. рублей. Таким образом, выявлением бытовых поборов уже нельзя будет камуфлировать в государственной статистике практически отсутствующую борьбу с де-

ловой коррупцией и коррупцией верховной власти (политического руководства, суда, прокуратуры, верхушки силовых ведомств).

В 2016 году число выявленных взяток в особо крупном размере (свыше миллиона рублей) выросло в 2,5 раза, а средний размер взятки за два года увеличился в 6 раз. Солидно выглядят и «посадки» последних лет: федеральный министр, четыре губернатора, директор Федеральной службы исполнения наказаний, генерал-лейтенант таможенной службы, пять заместителей губернаторов, шестеро высокопоставленных представителей прокуратуры и следственного комитета, пятеро крупных предпринимателей, двое из них аффилированы с Федеральной службой охраны.

Уголовные репрессии не в состоянии кардинально повлиять на уровень коррупции, но «встряхнуть» особо алчных, уверовавших в свою полную безнаказанность чиновников, побудить «брать по чину» и не выпячивать свое несправедное богатство на фоне бедности большинства населения ей вполне по силам. На большее в отсутствие политической конкуренции, действительного контроля гражданского общества за государством и при сильнейшем экономическом дирижизме рассчитывать не приходится. Реальный путь сокращения коррупции, успешно осуществленный за длительный период (1970–2000-е гг.) на Западе, состоит в максимизации потерь и минимизации выгод от коррупционных сделок.

Сама ситуация, когда коррупция стимулирует хозяйственную жизнь, возможность чего допустил М. Вебер, фиксировали Н. Лефф, С. Хантингтон и другие, может быть расценена как ненормальная — и с моральной точки зрения, и с экономической. Она свидетельствует о неразумных законах, ограничивающих экономическую активность, неэффективном государственном управлении, отсутствии верховенства права в стране. Подкуп бизнесменами чиновников в такой обстановке описывается криминологической формулой: преступление — это нормальная реакция нормального человека на ненормальные условия.

Коррупция уродует общественный правовой порядок, влияет на образ жизни широких слоев населения, «наводит порчу» на культуру. В 1990-е годы из жаргона преступников перешли в общее употребление такие словечки, как «тусовка», «разборка», «беспредел», «крыша». 2000-е «обогатили» новым, криминальным значением слова «распил» и «откат». Об успешности борьбы с коррупцией можно будет судить в том числе и по тому, будет ли происходить постепенное очищение языка от преступной лексики.